

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В ПЕРСИДСКИХ
ИСТОЧНИКАХ**

**V
ТОМ**

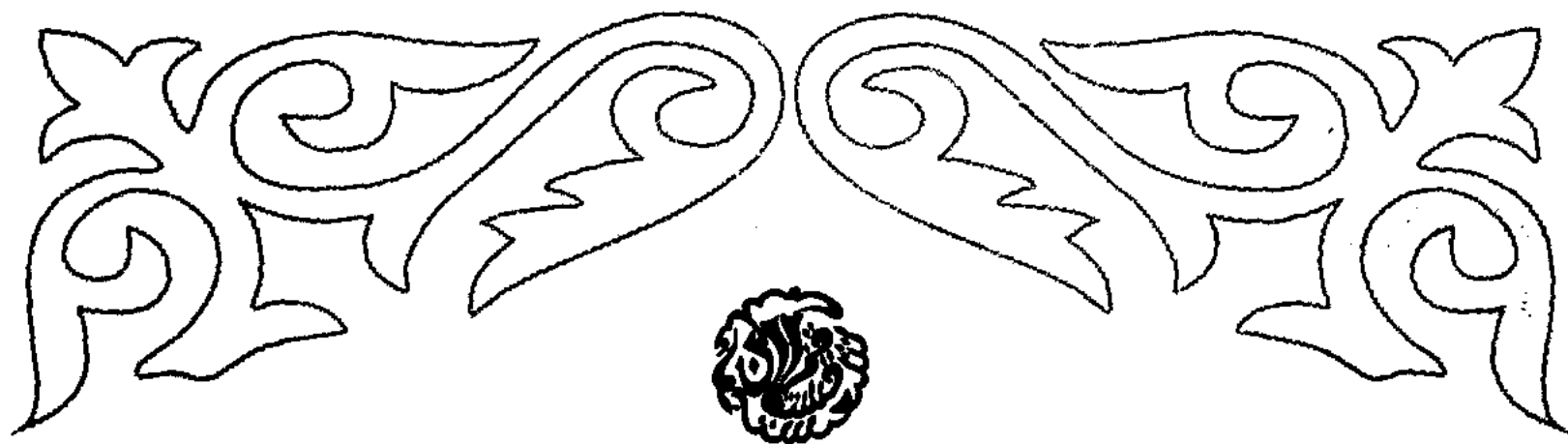

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”
РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпеисов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусаинов

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМ. Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА МИНИСТЕРСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В ПЕРСИДСКИХ
ИСТОЧНИКАХ**

**V
ТОМ**

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СОЧИНЕНИЙ
XIII–XIX веков**

Алматы
"Дайк-Пресс", 2007

**ББК 63.2
И 33**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК*

**Секция “Востоковедение”
Государственной программы
“Культурное наследие”**

**М. Х. Абусейтова (председатель),
А. К. Муминов (зам. председателя),
Д. Е. Медерова (ответственный секретарь),
Б. Еженханулы, Н. Базылхан, А. Ш. Нурманова**

Составитель М. Х. Абусейтова

Ответственный редактор М. Х. Абусейтова

И $\frac{0502000000}{00(05)-07}$

ББК 63,2

ISBN 9965-798-45-1

© М. Х. Абусейтова, сост., 2007
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2007

Предисловие

Источниками для изучения истории казахского народа XIII—XIX вв. являются сочинения, написанные на персидском языке в Средней Азии и сопредельных с нею странах. История Дашт-и Кипчака, Семиречья, Мавараннахра и других соседних регионов, тесно связанных между собой, — это история важных социальных явлений XIII—XIX вв., обусловленных внутренними и внешними факторами экономического развития.

В настоящей работе мы приводим переводы извлечений из следующих сочинений: «Та'рих-и джахан-гушай» Джувайни, «Мунтахаб ат-таварих» Му'ин ад-дина Натанзи, «Зафар-нама» Шараф ад-дина 'Али Йазди, «Михман-нама-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфохани, «Фатх-нама» Шади, «Бада'и' ал-вака'и'» Зайн ад-дина Васифи, «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани, «Раузат ар-ризван» Бадр ад-дина ал-Кашмири, «Шараф-нама-йи шахи» Хафиза Таныша, «Джалис-и муштакин» Маулана Пируй Бухара'и, «Мусаххир ал-билад» Мухаммад-йара ибн 'Араба Катагана, «Та'рих-и 'алам-ара-йи 'аббаси» Искандара Мунши, «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда ибн Вали, «Та'рих-и Кипчак-хани» Х'аджам-кули-бека Балхи, «Зикр-и ти'дад-и падишахан-и узбек» Му'ина, «Та'рих-и джадида-йи Ташканд» Мухаммад-Салиха, «Трактата о святых Испиджаба».

Персоязычные исторические сочинения, содержащие материалы по истории казахов, в основном представлены в виде хроник. Под этим названием обычно объединяют довольно разные по характеру и содержанию сочинения — от простых списков правителей до трудов, которые можно назвать развернутыми историческими трактатами. Объединяет их то, что все они — нарративные источники. Следует отметить, что персоязычные нарративные источники XIII—XIX вв. до сих пор остаются малоизученными.

Персоязычные источники содержат важные сведения о положении ханской власти и ее взаимоотношениях со знатью, формах пожалования права на управление городами, земельных пожалованиях джуйбарских шайхов казахским ханам и султанам; денежной реформе и другие.

Сила и прочность ханской власти зависели от того, насколько она отвечала интересам кочевой знати. В тех случаях, когда власть хана не отвечала ее интересам или ущемляла ее права, знать ни

только не поддерживала ханскую власть, но зачастую вступала с ней в открытую вооруженную борьбу. Так, например, сподвижники Абу-л-Хайра, представители крупных родов узбекского улуса, провозгласили ханом Шайх-Хайдар-хана, но вскоре покинули его. А совет, прежде чем решить вопрос об избрании ханом Мухаммада Шайбани, выставил условие, чтобы он, соблюдая “обычай древний”, предоставил им “волю в государстве”. Именно поэтому, ханы, для решения вопросов, затрагивавших все государство, вынуждены были опираться на совет, состоявший как из чингизидов (султаны, огланы), так и представителей родов (бии, тарханы, бахадурь, старейшины), городской знати, духовенства. Один из первых казахских правителей Махмуд-султан, сын Джанибек-хана, после своего поражения от Шайбани-хана, прежде чем обратиться за военной помощью к своему дяде, Бурундук-хану, вынужден был созвать совет кочевой и городской знати.

Как явствует из источников, наиболее верным чингизидам и представителям крупных родов ханы жаловали в управление отдельные города и районы. Эти пожалования преследовали определенную цель — усилить зависимость знати от хана. Распространение ислама нами рассматривается как фактор укрепления власти хана. Шейхи Джуйбари играли значительную роль в политической жизни казахского общества XVI—XVII вв. и всячески оказывали поддержку и помощь казахским ханам во всех государственных делах.

Для упрочения авторитета ханской власти проводились такие мероприятия, как денежные реформы. Денежное обращение положительно отразилось на укреплении ханства и оживило торговые связи с соседними странами и народами. С XVI в. возрастает роль столичных городов в качестве государственных центров чеканки монет (к примеру, чеканка монет Турсун-Мухаммад-хана, Тауекель-хана и др.).

На укрепление внутренних устоев казахского общества, развитие государственности были направлены законодательства ханов Касыма (Қасым ханның қасқа жолы — Ясное право Касыма), Хакк-Назара (Ақ жол), Есим (Ишим)-хана (Ескі жол), Тауке-хана (Жеті жарғы).

Государственность казахов характеризовалась также наличием традиционных приемов управления, унаследованных от исторических предшественников империи чингизидов; административных

учреждений, заимствованных из завоеванных стран, а также военно-административной системой.

На основе отрывочных, фрагментарных сообщений восточных источников, реконструируется история дипломатических отношений казахских ханов с соседними государствами.

К примеру, источники по истории дипломатических отношений Казахстана с Центральной Азией, Ираном, Турцией и др., представляют собой довольно значительный и многообразный материал. Среди них на первом месте — **письменные восточные источники**, основное содержание которых составляют описания военных походов, внешнеполитические интересы государств. Таковы, например, “Та’рих-и ‘алам-ара-йи ‘аббаси”, “Шараф-нама-йи шахи”, «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» и другие. В них встречаются тексты договоров, заключавшихся ханами, правителями государств.

Одним из важных исторической науке договоров о мире и сотрудничестве в деле отражения внешней враждебности и улаживания внутренних политических конфликтов является договор, заключенный в 1598—1599 гг. казахскими ханами и Аштарханидами.

Многие сведения источников касаются междинастических браков, которые правители соседних государств заключали с казахскими ханами ввиду укрепления дружественных отношений.

Ведение переговоров и отправление посольств в XVI—XVII вв. было обычной нормой межгосударственных отношений. Во время ли войны, или в период мира между заинтересованными сторонами велись переговоры, пересылались письма, послания, курсировали послы, выполнявшие различные функции.

Этот материал можно, например, почерпнуть из переговоров казахских ханов с Шайбанидами. Как отмечалось в источниках, правители часто называли друг друга “брат”, т. е. находились в равноправных отношениях. Эта формула свидетельствует о почтительном отношении одного правителя к другому. В документах не раз употребляется слово “друг”, которое также характеризует отношения между государствами соответствующим образом.

Итак, “брат” и “брат”, “отец” и “сын” — эти слова отражали различные оттенки отношений между государствами-партнерами.

Особую категорию источников составляют архивные материалы: посольские книги, архивы внешней политики, исторические акты, официальная переписка. Они насыщены статистическими данными, имеют тенденцию к систематизации событий и явлений, содержат

отправные хронологические моменты. Однако они, так же как и восточные источники, тенденциозны и предельно официальны.

Рукописные памятники в виде миниатюр также дают сведения по истории межгосударственных отношений. Это миниатюры с изображением приема посольств, принесения дани, даров и т. д. Определенную информацию несут в себе ханские грамоты, ярлыки, печати, монеты с титулатурой.

Информация, полученная из данных источников по истории и культуре Казахстана, создает базу для интерпретации запутанных сведений о средневековой истории. В дальнейшем исследователям предстоит огромная работа по сбору и обработке внешних и местных (внутренних) источников по истории и культуре Казахстана. Первостепенной задачей продолжает оставаться поиск новых рукописных сочинений, а другой — исследование, запись устных преданий, которые еще сохранились среди разных народов и научное издание уже записанных преданий. Историкам предстоит также трудоемкий и тщательный труд сопоставления и сравнения источников. Весь этот комплекс работ по освоению новых источников, разработка вопросов источниковедения являются определенным этапом в исследовании важных проблем развития государственности, взаимодействия оседлой и кочевой культур, историко-культурной связей и дипломатических отношений Казахстана с соседними государствами.

В настоящий сборный том составителем включены новые работы и переводы прежних лет. Переводы выполнены: в разделе I — Е. Е. Харитоновой и М. Х. Абусеитовой, в XII–XIII — М. Х. Абусеитовой, в II — А. Х. Зияевым, в III, IV, IX, XVI–XVIII — Ж. М. Тулибаевой, в V — Р. П. Джалиловой, в VI–VII, XV — В. П. Юдиным, в VIII, XIV — Б. А. Ахмедовым, в X — М. А. Салахетдиновой, в XI — З. Н. Ворожейкиной. Указатели составлены А. К. Муминовым и А. Б. Берлибаевой.

М. Х. Абусеитова,
д. и. н., профессор

І. ИЗ «ТА'РИХ-И ДЖАХАН-ГУШАЙ» ДЖУВАЙНИ

«Та'рих-и джахан-гушай» («История покорителя мира») — одно из ранних персоязычных сочинений илханидской историографии. Этот труд отличается от остальных исторических трудов тем, что написан на основании личных впечатлений автора, современника описываемых событий. Составитель — 'Ала' ад-дин 'Ата-Малик Джувайни (1225—1283), находившийся на службе у Хулагуидов Ирана. Труд является важным источником по истории Казахстана и Центральной Азии XII—XIII вв.: по истории государств Кара-Китайев, Хорезмшахов, Чингиз-хана и его первых преемников.

Сочинение было начато в 650/1252 г., а закончено в 658/1260 г.¹ и состоит из предисловия, введения и трех томов. Джувайни сообщает о значительном количестве городов, существовавших на территории Казахстана в домонгольское время. Он прослеживает отдельные этапы завоевания территории Казахстана, описывает военные действия и приемы монгольской дипломатии. Подробно описываются осада Отрара², городская жизнь в Дженде, Алмалыке, Кайалыке, Баласагуне и т. д.

Джувайни рассказывает о выделении Чингиз-ханом своих сыновьям улусов в составе Монгольской империи и в связи с этим о разделе территории Казахстана между улусами трех его старших сыновей. Старшему сыну Джучи достались земли от Иртыша

---

¹ *Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. В трех частях / Перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Ч. 2. М., 1972. С. 759—765; Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII—XV вв. Т. I. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1939; Тошов Н. И. «Та'рих-и джахангуша» 'Ала' ад-дина Джувайни — ценный источник по истории Центральной Азии XII—XIII вв. Автореф. дисс. ... к. и. н. Ташкент: Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, 2004.*

² *Абусейтова М. Х. Джувайни об «Отрарской катастрофе» // Вопросы истории (КазГУ). Вып. 7. Алма-Ата, 1975. С. 107.*

до Каспийского и Аральского морей, второму сыну, Чагатайу — земли Семиречья, Узэдейу — земли Тарбагатайа.

Текст «Та'рих-и джахан-гушай» был издан Мухаммадом Казвини в трех томах³. С этого издания Дж. А. Бойлем сделан английский перевод⁴. Следует подчеркнуть, что издание Бойля — это скорее пересказ и толкование оригинального персидского текста, чем перевод. Нижепредставленный перевод взят из русского перевода последнего издания⁵.

[III]

//18 О законах, созданных Чингиз-ханом, и Йасах, которые он распространил после своего прихода к власти

Всевышний выделил Чингиз-хана умом и рассудком среди равных, а по мудрости и могуществу вознес его над всеми царями мира, поэтому все, что уже известно о порядках могущественных хосроев и записано об обычаях фараонов и кесарей, Чингиз-хан без утомительного изучения летописей и соображения с древностями изобретал лишь из страниц своего собственного ума; а все, что было связано со способами завоевания стран и относилось к сокрушению мощи врагов и возвышению друзей, было порождением его собственной мудрости и следствием его размышлений.

Так что если б Александр, имевший страсть к талисманам и решению трудных задач, жил во времена Чингиз-хана, то учился б у него хитрости и мудрости и не находил бы лучших талисманов для покорения неприступных крепостей, чем слепое повиновение

³ The Ta'rikh-i-Jahán-gushá of 'Alá'u 'd-Dín 'Atá Malik-i-Juwainí... / Ed. by Mírzá Muhammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní. Part 1. Leyden—London, 1912; Part 2. Leyden—London, 1916; Part 3. Leyden-London, 1937 (GMS, XVI, 1–3).

⁴ The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. by J. A. Boyle. Vol. I–II. Manchester, 1958 (UNESCO collection of representative works. Persian series).

⁵ Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувайни / Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж. Э. Бойла. С предисловием и библиографией Дэвида О. Моргана. Пер. текста с английского языка на русский Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004.

ему. И нет тому более ясного доказательства и определенного свидетельства, чем то, что, несмотря на существование стольких сильных и многочисленных недругов и стольких могучих и хорошо снаряженных врагов, бывших *фахфурами*⁶ (богдыханами) своего времени и хосроями своего века, он в одиночку, с немногочисленным войском и почти без снаряжения, сразил и покорил властелинов до самого горизонта, от Востока до Запада; а тех, кто оказал ему сопротивление и восстал против него, согласно ясам и указам, кои он ввел, он истребил полностью, вместе с их подданными, детьми, приспешниками, войсками, землями и областями. Было нам передано одно божественное откровение, гласящее: «Те, что суть мои всадники, ими отомщу Я мятежникам против Меня», — и нет сомнения в том, что это указание на всадников Чингиз-хана и на его народ. И когда мир, подобно бушующему морю, вздымался от разных тварей, и когда высокомерие гордости и самонадеянность величия и надменности окрестных царей и знати достигли предела: «Величие — платье мое, великолепие — одежда моя», — Всевышний, как было предсказано, наделил Чингиз-хана силою могущества и победой владычества, ибо «Поистине мощь Господа Твоего крепка»⁷; и поскольку от дерзости богатства, могущества и величия большинство городов и стран мира встретили его восстаниями и ненавистью и отказались выказать повиновение (в особенности земли ислама от границ Туркестана до отдаленных областей Сирии), то повсюду, где царь либо правитель, либо управляющий городом оказывали ему сопротивление, он уничтожал их всех с семьями, приспешниками, родственниками и чужаками; так что где было народу сто тысяч, не осталось, без преувеличения, и сотни душ, и подтверждением сего утверждения может служить судьба многих городов, о каждом из которых сказано в должном месте.

В соответствии и согласии со своим собственным суждением он ввел правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы монгольские дети обучались письму уйгуров; и чтобы Ясы и приказы были запи-

---

⁶ У Марко Поло — *Facfur* (фагфур), в переводе на персидский язык один из титулов императора Китая (б у к в а л ь н о : сын Бога).

⁷ Коран, 70: 12.

саны на свитках. Эти свитки называются Великой Книгой Ыасы, и лежат они в казне старших царевичей. И когда станет хан садиться на трон или будет набирать великое войско, или соберутся царевичи и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела; и к построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан.

В начальную пору его владычества, когда с ним соединялись монгольские племена, он отменил дурные обычаи, которые соблюдались теми племенами и признавались ими, и установил обычаи, достойные похвалы, диктуемые благоразумием. Среди тех установлений есть многие, которые согласуются с шарифатом.

В указах, что рассылал он во все страны, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию и угрозам, что было обычаем царей-тиранов древности, которые угрожали своим недругам захватом их земель и мощью своего снаряжения и припасов; монголы же, наоборот, в виде крайнего предупреждения писали так: «Если вы не смиритесь и не подчинитесь, что можем мы знать? То Древний Бог ведает»⁸. Если поразмыслить о значении этого, [видно], что это слова тех, что полагаются на Бога: «И сказал Господь Всевышний: *А кто полагается на Аллаха, для того Он достаточен*»⁹, — так что при необходимости всякий достигнет того, что он носит в своем сердце и о чем просит, и исполнит всякое свое желание.

Поскольку Чингиз-хан не был приверженцем никакой веры и не следовал никакому исповеданию, то он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими; наоборот, он почитал и чтит ученых и благочестивых людей всех религиозных толков, считая такое поведение залогом обретения Царствия Божия. И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал и христиан и идолопоклонников. А дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности: одни приняли ислам, другие христианство, некоторые избрали идолопоклонство, а еще некоторые остались верны древним обычаям дедов и отцов и ни на какую сторону

⁸ Ср. с заключительными словами письма Гуйука к Иннокентию IV: «А если вы сделаете по-другому, что мы знаем? То Бог знает».

⁹ Коран, 65: 3.

не склонились, но таких было меньшинство. Но хотя и приняли они разную веру, но большинство из них избегают фанатизма и не уклоняются от Йасы Чингиз-хана, что велит все толки считать равными и различий меж ними не делать.

И ввели они еще один хороший обычай: закрыли двери чиновочитания, похвальбы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя — хан или ка'ан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей¹⁰ его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая разницы между султаном и простолюдином; и излагают только суть дела, избегая излишних званий и выражений.

Большое внимание он уделял травле зверя и говорил, что охота на диких зверей подобает военачальникам; и обучение ей — обязанность воинов и бойцов, [чтобы те знали], как охотники гонят зверя, как ведут охоту, как строятся и как окружают добычу, смотря по числу людей. Ибо когда монголы собираются на охоту, они вначале высылают дозор, чтобы осведомиться о роде и численности зверя. А когда они не заняты военным делом, то всегда занимаются охотой и войско свое к тому приучают, и не только ради добычи, но также для того, чтобы воины были привычны к охоте и обучались стрельбе из лука и перенесению тягот. Когда бы ни устраивал хан большую охоту¹¹ (которая

---

¹⁰ Т. е. царевичей. Об употреблении персидского слова *писар*, буквально сын, как и тюркского *огул* и монгольского *кобе'ун*, в значении *принц крови* см. *The Ta'rikh-i-Jahan-gusha' ... Part 2. P. IX*, а также *Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1950. P. 168*

¹¹ Рубрук так описывает эти охоты: «Когда они хотят поохотиться на диких зверей, то собираются в большом количестве и окружают местность, в которой, как они знают, будет добыча, и постепенно подходят все ближе друг к другу до тех пор, пока не сгоняют зверье как бы в загон, а потом стреляют в него из луков» (*Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World. London, 1900. P. 71*). Ср. также с описанием ханской «большой охоты» Фриара Одорика в: *Yule H. Cathay and the Way Thither. II, London, 1913. P. 234–236.*

случается по наступление зимней поры), он издает указ, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились к лову, снаряжая по несколько человек от каждого десятка в соответствии с приказом и собирали оружие и другие снасти сообразно месту, где будет охота. Правое и левое крыло и середина распределяются между великими амирами; и они выступают с женами, наложницами, а также яствами и напитками. Кольцо для лова охватывается за месяц, два или три, и зверя гонят перед собой не торопясь и следят, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели вдруг выскочит зверь из круга, то тут же проводят тщательное расследование и, найдя причину и виноватого, бьют за то палками тысяцких, сотников и десятников и часто убивают до смерти. И ежели (к примеру) кто не соблюдает строя (который называется у них *нерге*) и выступит из него на шаг либо отступит, того жестоко наказывают и спуску не дают. И так они гонят зверя два или три месяца, и днем, и ночью, словно стадо овец, и шлют хану известия, чтобы сообщить ему о ходе гона, о численности зверя, какого места он достиг и откуда спугнут. Когда наконец кольцо сожмется до двух-трех парасангов, связывают веревки и набрасывают на них войлок, и воины встают плотным кольцом, плечом к плечу. Теперь пространство внутри круга наполнено криками всяких животных и рычанием всяких лютых зверей, которые все волнуются и думают, что пришел назначенный час, «когда животные соберутся»¹²; львы встречаются с дикими ослами, гиены сдружаются с лисами, и волки беседуют с зайцами. Когда кольцо сжимается настолько, что дикие звери не могут пошевелиться, хан с несколькими приближенными первыми въезжают в круг; а когда они утомятся, то спешатся на высоком месте посреди *нерге*, чтобы посмотреть на то, как в круг также въедут царевичи, а за ними по порядку *нойоны*, военачальники и простые воины. Так проходит несколько дней, и когда из зверей не останется никого, кроме нескольких раненых и истощенных, пожилые люди и седобородые старцы смиренно подступают к хану, возносят молитву и просят сохранить жизнь уцелевшим животным и отпустить их в том месте, где ближе до воды и травы. После этого собирают всех убитых зверей; и

¹² Коран, 81: 5.

если нельзя сосчитать животных всех видов, то считают только хищных зверей и диких ослов.

Один человек рассказывал, как во дни царствования ка'ана¹³ так охотились однажды зимой, и ка'ан, чтобы лучше видеть сцену охоты, устроился на вершине холма; и тогда звери всех родов повернулись к его трону и от подножия холма подняли вой и издали стенания, словно прося о справедливости. Хан приказал отпустить всех зверей и приказал, чтобы ни одна рука не нанесла им удара.

И он же приказал, чтобы между землей кара-китайцев и его зимовьями была построена стена из дерева и земли и в ней сделаны ворота, чтобы собиралось туда множество зверей из дальних мест и чтобы таким путем на них охотиться. И в землях Алмалыка¹⁴ и Куйаша¹⁵ Чагатай устроил такое же место для охоты.

¹³ Т. е. Угэдэй/Угэтэй, второй сын и первый преемник Чингиз-хана. Существует предположение о том, что ка'ан (qa'an) было посмертным титулом Угэдэя.

¹⁴ Алмалык (Almaligh, Almaliq), б у к в а л ь н о: яблоневый сад, — город, находившийся в Семиречье, в долине р. Или, неподалеку от современного г. Кульджа. Именно там, «в викариате Катхайа или Тартарии, в городе Алмалеке в Срединной империи Тартарии», в 1339 или 1340 г. францисканские мученики встретили свой конец. См. Yule. Cathay and the Way Thither. III. P. 31—32, а также Wuyngaert Van Den A. Sinica Franciscana I, Quaracchi, 1929. P. 510—511.

¹⁵ Следует читать «каф-йа'-алиф-син» и «каф-вав-йа'-алиф-син» вместо «каф-нун-алиф-син» и «каф-вав-нун-алиф-син» текста. Существуют также авторитетные рукописные источники, в которых дается написание «куйаш», но Кашгари делает различие между куйас — поселением (касаба) и куйаш — солнце. Куйас, согласно Кашгари, лежит за Барсханом (Atalay B. Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi. 3 vols, Ankara, 1939—1941. Vol. I. P. 393.), и две реки, Большая и Малая Кейкен, текут оттуда к Или (Atalay, Divanü. Vol. III. P. 175). Пельо (Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P. 185, п. 2) высказывает предположение о его возможной тождественности с Эквием (Equius) Рубрука, «красивым городом... в котором жили сараины, говорящие на персидском языке» (Rockhill. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World. P. 139), в котором Бартольд (Bartold W. Histoire des Turcs d'Asie centrale. Paris, 1945. P. 76) и Минорский (Minorsky V. Hudud al-Alam. London, 1937. P. 277) видят Ики-Огуз, описанный Кашгари.

Не таковы ли и обычаи войны, когда убивают, считают убитых, и даруют пощаду уцелевшим? И правда, они совпадают до мельчайших деталей, ибо после боя поблизости не остается никого, кроме нескольких несчастных.

Что же до устройства их войска, то со времен Адамовых и до сего дня, когда большая часть земли находится под владычеством рода Чингизова, ни в одной истории не прочитано и ни в одной книге не написано, что когда-либо какой-то царь, бывший господином многих народов, имел войско, подобное татарскому, такое же выносливое и непривычное к удобствам, такое же покорное полководцу в благополучии и лишениях, не из-за жалованья и корма и не из-за ожидания повышения и дохода. И это поистине есть наилучший порядок организации войска; ибо львы, пока не проголодаются, не выходят на охоту и не нападают ни на какого зверя. Есть персидская пословица «От сытой собаки нет охоты», и еще сказано: «Мори голодом свою собаку, чтобы она следовала за тобой».

Какое войско во всем мире может сравниться с татарской армией? В бою они, нападая и атакуя, подобны натасканным диким зверям, а в дни мира и спокойствия они как овцы, дающие молоко, шерсть и многую другую пользу. В дни бедствий и несчастий между ними нет раздора и противостояния. Это войско подобно крестьянству, что выплачивает разные подати (*му'ан*) и не выказывает недовольства, чего бы от него ни требовали, будь это *копчур*¹⁶, специальные налоги (*'аваризат*), содержание (*ихраджат*) проезжающих, почтовых станций (*йам*)¹⁷ с предоставлением лошадей (*улаг*)¹⁸ и корма для них (*улуфат*). Эти крестьяне в образе войска, все как один, от мала до велика, от знатного до низкого, во время сражений рубят саблями, стреляют из луков и колют

¹⁶ Первоначально эквивалент арабского *тара'и* — пастбищного налога, этот термин в дальнейшем стал использоваться для обозначения специальных налогов вообще. См. *Minovi M., Minorsky V. Nasir al-Din Tusi on Finance // Bulletin of the School of Oriental Studies. X (1940—1942). P. 783—784.*

¹⁷ *Йам* у Рубрука, используемому это слово применительно к должностному лицу, ответственному за содержание такой станции; и *йанб* у Марко Поло.

¹⁸ *Улаг* (тюрк.) — почтовая лошадь.

копьями и способны свершить все, что ни потребуется. Когда бы ни ставилась задача уничтожить неприятеля или усмирить бунтовщиков, они приготовят все, что потребуется в этом случае, от различного оружия и снаряжения до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, таких, как ослы и верблюды; и каждый должен предоставить свою долю сообразно своему десятку или сотне. В день смотра они предъявляют свое снаряжение, и если чего-то не хватает, виновного жестоко наказывают. И даже когда они участвуют в сражениях, они выплачивают столько разных налогов, сколько необходимо, а повинности, которые они выполняли, возлагаются на их жен и тех, кто остался дома. Так что если затеется работа, в которой должен был нести повинность (бигар) мужчина, а он будет отсутствовать, то его жена пойдет лично и выполнит за него повинность.

Смотр и учет войска¹⁹ ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки (*дафтар-и 'арз*) и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и из каждого один человек назначен начальником над другими девятью; и из десяти начальников десятков один получает звание «командующего сотней», и вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим тумена»²⁰. В соответствии с этим порядком, если возникнет необходимость и понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, — тысяцкому, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть. Если вдруг понадобится войско, издается приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место в такое-то время дня или ночи. «Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят»²¹. И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновение ока. Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена,

¹⁹ Ср. с описанием Марко Поло: *Benedetto L. F. The travels of Marco Polo. London, 1931. P. 86—87.*

²⁰ Тумен (тюрк.) — десять тысяч.

²¹ Коран, 7: 32.

будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан шлет одного-единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберет его у него.

Совсем по-иному обстоит у других царей, которым приходится говорить с опаскою с собственным рабом, купленным за собственные же деньги, как только в конюшне его наберется десяток коней; а уж коль поставят под начало этого раба целое войско и он приобретет богатство и власть, тогда они не могут его сместить, и чаще всего он поднимает мятеж и бунт! Когда бы ни готовились эти цари пойти на врага, либо враг нападал на них, нужны были месяцы и годы, чтобы собрать войско, и наполненная до краев казна, чтобы выплатить жалованье и выделить земельные пожалования. При получении жалованья и содержания число его увеличивается на сотни и тысячи, а когда приходит день сражения, ряды его повсюду пусты, и никто не показывается на поле боя²². Однажды пастух был вызван дать отчет о состоянии его стада. Счетчик спросил: «Сколько осталось овец?» «Где?» — уточнил пастух. «В списках». «Потому я и спрашиваю, — отвечает пастух, — что в стаде их нет». Эту притчу можно применить к их войску, ибо каждый начальник для увеличения жалованья своим людям говорит: «У меня столько-то и столько-то людей», а как дойдет до смотра, то они выдают одного за другого, чтобы набралось нужное число.

А еще есть такая яса, что никто не может перейти в другое место из тысячи, сотни или десятка, к которым он приписан, или искать убежища у других. И если этот порядок будет нарушен, то того, кто

²² Б у к в а л ь н о: «...их ряды есть *хасв* от начала до конца, и никто не становится *бариз* на поле боя», где *хасв* и *бариз* — бухгалтерские термины, первый из которых обозначает предметы определенного сорта, заносимые в правую (т. е. первую) колонку грассбуха, а второй — окончательную сумму, заносимую в левую колонку. Смысл, вероятно, заключается в том, что стоимость *хасв*, в противоположность *бариз*, была подвержена значительным колебаниям и, возможно, серьезному обесцениванию ко времени, когда *хасв* превращался в наличность и, таким образом, становился *бариз*. Более подробно об этих двух терминах см. в: 'Abdallah ibn Muhammad ibn Kiya / *Hinz W.* Die Resala-ye Falakiyya des 'Abdallah ibn Muhammad ibn Kiya al-Mazandarani. Wiesbaden, 1952. S. 28, а также: *Hinz W.* Ein orientalisches Handelsunternehmen im 15. Jahrhundert // *Die Welt des Orients*, 1949. S. 315.

перебежал, убивают принародно, а того, кто укрыв, сурово наказывают. Поэтому ни один человек не может дать укрытия другому; и если (к примеру) военачальник — царевич, то и самого низкого звания человека он к себе не пустит и тем самым избежит нарушения Йасы. Следовательно, никто не может своевольничать со своим начальником или вождем, и другие начальники не могут никого переманивать.

Ну а если в войске находятся луноликие девы, их собирают и передают из десятков в сотни, и каждый делает свой выбор вплоть до темника. После того девиц ведут к хану или царевичам. Те также делают свой выбор, и над теми, которые окажутся достойны и на вид прекрасны, произносят: «Удержать, согласно обычаю»²³, а над остальными: «Отпустить с благодеянием»²⁴. И они поступают в услужение к женам хана или царевичей; пока не захотят хан и царевичи пожаловать их кому-нибудь или сами будут спать с ними²⁵.

И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток и с Дальнего Востока на Запад. Именно поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены йамы и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому йаму, и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между туменами, и каждые два тумена содержали один йам. И соответственно переписи они так распределяли их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где можно было бы взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более того, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказания — перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно йамы осматриваются,

²³ Коран, 2: 229.

²⁴ Там же.

²⁵ Описание практики, существующей при Хубилайе, см. в: *Benedetto. The Travels of Marco Polo*. P. 114—116. Ср. также: «...да, часто он [т.е. император] собирает девиц во всех татарских владениях, и тех, которых он намерен оставить, он держит при себе, других же дарит своим людям» (Carpini / Ed. Beazley C. R. *The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis*. London, 1900. P. 121)

и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне²⁶.

Так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи, и установили порядок набора войска, йамскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх всех этих тягот наложили еще *копчур*.

У них есть обычай, что, если умрет чиновник или крестьянин, то какое бы имущество после него ни осталось, большое или малое, его не трогают, и никто захватить его не может. А если не было у того наследника, его (имущество) отдают его ученику либо рабу. Ни в коем случае не забирают собственность умершего в казну, ибо считают это неподобающим.

Когда Хулагу²⁷ назначил меня в Багдад [в управление], налоги на наследство взимались в тех местах повсюду; я отменил те порядки и упразднил пошрины, что существовали в землях Шуштара²⁸ и Байата²⁹.

И много есть еще других йас, и на описание каждой уйдет много времени; поэтому мы ограничились пересказом вышеупомянутых.

[X]

// 48 О завоевании земель Алмалыка, Кайалыка и Фулада, а также об их правителях

Во время царствования *гурхана* правителем этого края был некто Арслан-хан³⁰ из Кайалика, и в управлении им ему помогал *ишхна гур-*

²⁶ Описание того, как действовала эта система в Китае, см. в: *Benedetto. The Travels of Marco Polo. P. 152—157.*

²⁷ «Ха'-вав-лам-алиф-каф-вав». Написание, которое приводит Джувайни, вероятно, соответствует тюркскому произношению этого имени. Монгольское произношение (Хуле'у) представлено у Марко Поло (Alau), в армянских источниках (Hulawu) и у Джузджани (ха'-лам-алиф-вав).

²⁸ Т. е. в Шуштаре в Хузистане.

²⁹ Самый западный район Хузистана (к северу от Керки).

³⁰ Так же, как и Озар из Алмалыка, правитель Кайалыка был тюрком-карлуком. О карлуках, ранее занимавших западные территории в бассейне р. Чу, см.: *Minorsky. Hudud al-Alam. P. 286—297.*

хана. Когда удача стала изменять гурхану и соседние князья начали раздувать огонь мятежа, султан Хотана также взбунтовался против него. Гурхан направил против него свою армию и одновременно запросил помощи у Арслан-хана. Сделал он это с намерением предать его смерти; так как если бы он тоже восстал против него, как другие вожди, то он покончил бы с ним раз и навсегда; а если бы он проявил покорность, но относился бы к мусульманам со снисхождением и не проявлял усердия в кампании против Хотана, то и под этим предлогом он также мог вынуть его голову из петли жизни. Арсланхан подчинился его приказанию и поспешил предстать пред ним. Но один из военачальников гурхана, по имени Шамур-тайангу³¹, которого давно связывали с ним узы дружбы и близости, сообщил ему о намерении гурхана и добавил: «Если он предпримет попытку убить тебя, он уничтожит и твой дом, и твоих детей. Лучшим способом уберечь своих детей для тебя будет выпить яду и так избавиться от тягот злосчастной жизни и от несправедливого правителя. Тогда я стану твоим орудием и посажу твоего сына на твое место». Не имея другого убежища или пристанища, он добровольно принял смертельное снадобье и испустил дух. Шамур, как и обещал, добился, чтобы его сын был назначен на его место, и гурхан отпустил его с почестями, отправив *шихна* сопровождать его. Таким оставалось положение дел в течение некоторого времени, пока молва о Чингиз-хане и о его приходе к власти не распространилась за пределы его государства. Поскольку наместник гурхана стал проявлять деспотизм и жестокость в обращении с народом, то был убит сыном Арслан-хана, который после этого направился ко двору Чингиз-хана, где был принят с особым снисхождением и милостью.

А в Алмалыке жил один карлук из рода *кайа*, человек большой смелости, чье имя было Озар³², который занимался тем, что крал лошадей из чужих табунов и совершал другие преступления, такие

³¹ «Шин-мим-вав-ра'» «Та'-йа'-алиф-нун-каф-вав». Тайангу (древнетюрк.) — управляющий.

³² Согласно Джамалу ал-Карши, его имя Бузар. См. Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах / Введение, перевод с арабо-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова / Отв. ред. А. К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2005 (История Казахстана в персидских источниках. Т. I). С. 118 (далее — Карши, Мулхакат).

как разбой на большой дороге и т. п. К нему присоединились все головорезы тех мест, и вскоре он стал довольно могущественным. Потом он стал появляться в деревнях, и если люди отказывались ему повиноваться, захватывал это место с боем и насилием. И так продолжалось, пока он не взял Алмалык, главный город того края, и не подчинил себе всю страну; а также захватил Фулад. Несколько раз *гурхан* выступал против него и каждый раз терпел поражение; и тогда он послал гонца к Чингиз-хану с сообщением о Кучлуке и с объявлением о том, что он вступает в ряды слуг и вассалов завоевывающего мир императора. Ответом ему были ободряющие слова благосклонности и внимания; и по повелению Чингиз-хана он породнился с семьей Туши. Когда его положение укрепилось, он, подчинившись приказам Чингиз-хана, лично явился к его двору и был там милостиво принят. Когда он уезжал, удостоенный всевозможных почестей, Чингиз-хан взял с него слово, что он будет воздерживаться от охоты, за исключением того случая, если вдруг сам станет жертвой других охотников; и взамен подарил ему тысячу голов овец. Однако когда он вернулся в Алмалык, он вновь посвятил себя охоте, не в силах отказаться от этого развлечения; пока однажды внезапно не был захвачен в своих охотничьих угодьях воинами Кучлука, которые заковали его в цепи и повезли с собой к воротам Алмалыка. Жители Алмалыка заперли ворота и вступили с ними в бой. Но тем временем они неожиданно получили известие о прибытии монгольской армии; и повернули от ворот Алмалыка, и по дороге убили своего пленника.

Озар, хоть и отличался неосторожностью и безрассудством, однако был набожным, богобоязненным человеком и взирал на отшельников с благоговением. Однажды человек в суфийском одеянии явился к нему и произнес: «Я явился к тебе с посольством от Двора могущества и славы; а мое сообщение таково, что наши сокровища истощились. Поэтому пусть Озар окажет нам помощь, ссудив нас деньгами, и не посчитает правильным отказать нам». Озар поднялся и почтительно поклонился *суфию*, и слезы хлынули из его глаз. Затем он приказал одному из своих слуг принести *балыш* золота, который он подарил *суфию*, сказав: «Попроси прощения у своего Господина после того, как выразишь ему мое почтение». После этого *суфи* забрал золото и ушел.

После смерти Озара его сын Сугнак-тегин пользовался монаршим благоволением: ему была дарована должность его отца, и он получил в жены одну из дочерей Туши.

А что до Арслан-хана³³, то он был отослан в Кайалик и тоже женился на девице из царской семьи. И когда Чингиз-хан выступил против империи султана, он присоединился к нему со своими людьми и оказал ему большую помощь. Один из сыновей Арслан-хана еще жив. Менгу-ка'ан пожаловал ему город Узгенд³⁴ и в знак благодарности к его отцу высоко чтит его.

Сугнак-тегин также был отмечен милостью Чингиз-хана и утвержден в должности правителя Алмалька. По дороге домой он скончался. Его сын стал преемником в 651/1253—1254 году.

[XIII]

// I, с. 63 Об отправлении [Чингиз] хана, покорителя мира, во владения султана³⁵ и освобождение Отрара³⁶

Когда осела пыль смут Кучлука и Тук-Тугана³⁷ и беспокойство, возникшее из-за них, исчезло, тогда он [Чингиз-хан] установил ранги для сыновей и великих эмиров и нойонов тысяч, сотен и десятков и наставлял их и назначил оба крыла и авангард (своего войска) и установил “Новую Йасу”³⁸ и в месяцы года

³³ Как отмечает Мухаммад Казвини, должно быть, отравился не Арслан-хан, а его сын. Он приходит к заключению, что Арслан-хан — это скорее наследственный титул, а не имя. “Тайная история” приводит несколько иную версию взаимоотношений Чингиз-хана и правителя Кайалика. Согласно ей, Арслан-хан явился, чтобы выразить свое почтение Чингиз-хану только после того, как военачальник Хубилай выступил против карлуков. Тем не менее он был милостиво принят, и ему в жены была обещана одна из дочерей Чингиз-хана.

³⁴ Вероятно, Узгенд/Узгент, расположенный на Сирдарье между Сугнаком и Джендом, но, во всяком случае, не Узгенд в Фергане (современный Узген в Кыргызстане).

³⁵ Под султаном имеется в виду хорезмшах Мухаммад.

³⁶ Словоупотребление Джувайни отражает общую промонгольскую ориентацию его хроники. Поэтому для Джувайни взятие и разгром Отрара войсками Чингиз-хана являлись “освобождением”.

³⁷ Тук-Туган — предводитель племени меркитов, разгромленных монголами Чингиз-хана, которого монголы преследовали и добивали в степях Восточного Казахстана.

³⁸ Вероятно, это сообщение Джувайни послужило основанием для В. А. Рязановского и других исследователей “Йасы” утверждать, что в 1318 г. Чингиз-хан переработал свою “Йасу”.